РАЗНОВИДНОСТИ ОЧЕРКОВОЙ ПРАКТИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII ВЕКА¹

С.И. Маловичко

Аннотация. В статье изучается проблема появления, распространения и трансформации очерковых форм исторической наррации в России XVIII века. Исследование проведено в предметном поле источниковедения историографии. В качестве классификационной единицы выбрана категория «вид», которая позволяет осуществлять источниковедческий анализ исторических источников, в контексте европейской исторической культуры. Автор обратил внимание на нарратологическую проблему, связанную с формами историописания. В результате проведенного анализа выделены разновидности очерка, присутствовавшие в русской исторической культуре XVIII века, такие как: «опыт», «начертание», «изображение» и «записки». Сделан вывод, что дефинирующими признаками очерковой формы стали авторская позиция (испытание) и несовершенство / ограниченность наррации, что отличало такую практику от строгой научной формы историописания.

Ключевые слова: историографический источник, очерковая форма исторической наррации, опыт, начертание, изображение, записки.

266

VERSIONS OF ESSAYISTIC PRACTICE OF THE HISTORICAL NARRATION IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 18TH CENTURY

S.I. Malovichko

Abstract. In paper studies the problem of the appearance, spread, and transformation of essayistic forms of historical narration in Russia of the XVIII century. The study was conducted in the subject field of a source study

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.).

of historiography. The category "kind" was selected as the classification unit, it allows source analysis of historiographic sources in the context of European historical culture. The author drew attention to the narratological problem associated with the forms of historical writing. As a result of the analysis, the versions of the essay that were present in Russian historical culture of the 18th century, such as: "Essay", "Nachertanie" ("Abriß"), "Izobrazhenie" ("Tableau") and "Notes". The conclusion is drawn that defining features of an essayistic form became an author's position (testing) and imperfection / limitation of a narration that distinguished such practice from a strict scientific form of an historical writing.

Keywords: historiographic source, essayistic form of a historical narration, essay, nachertanie (abriß, tracing), izobrazhenie (tableau, image), notes.

В истории истории уже давно стало вполне привычным писать о произведениях историков, как о «труде», «работе», «произведении», «werk», «work» и пр., например: «произведение Ф. Эмина» [1, ч. 2, с. 61], «большой труд "Ядро российской истории"» [2, т. 1, с. 92, 122, 162], «von Eichhorns Werk» [3, s. 344], «Schlozer's best-known work» [4, vol. II, p. 123] и т.д. Такие понятия приемлемы при описании процесса расширения пространства исторического знания, однако они оказываются неприемлемы при процедуре историографического анализа.

Желание систематизировать произведения историков в рамках отдельных периодов или исторических культур вынуждает историков обращать внимание на разнообразие их жанровой специфики. Отечественные историки понятие «жанр» используют уже довольно давно [5, с. 457; 6, с. 10]. Жанровый подход широко используется и в зарубежной историографии, иногда (как в «Словаре основных исторических понятий») жанром, в отличие от литературы, называют даже саму историю, а также исторические произведения, в зависимости от их

структурно-композиционного построения [7, т. 1, с. 45–239]. Понятие «жанр» до сих пор в историографии не отрефлексировано, поэтому жанрами оказываются темы исторических нарративов: «история коммерции», «история женщин» [8, p. 161, 164], выделяют «genre of Landesgeschichte», «genre of universal history» [9, vol. 3, p. 307, 373], «биографический жанр», «историческим жанром» называют летописание [10, ч. 1, с. 10, 56] и т.д. Можно встретить употребление понятия «жанр» и к форме повествования (что, на мой взгляд, более правильно). Так, М.Б. Свердлов указывает, что «Т.З. Байер ввел в практику исследований современный жанр научной статьи» [11, с. 827]. С выводом российского историка о научной статье можно отчасти согласиться, но требуется уточнение — Г.Т.З. Байером так называемая «научная статья» презентировалась в очерковой форме.

Среди представителей литературной теории уже давно высказывается сомнение по отношению к категории «жанр» [см., напр.: 12, p. 55–81]. Недовольство практиками применения этой категории начинают

высказывать и современные истории. А. Хауми пишет, что несмотря на существующую критику жанров, «в историографии этот вопрос вообще игнорируется». Сам историк не отказался от категории «жанр», но, по его мнению, в номенклатуре жанров необходимо разобраться, «так как выбор тем или иным исследователем одного из них «является результатом решения о способе, с помощью которого организуется знание о прошлом» [13, р. 145, 149]. Можно заключить — категория «жанр» не лучший помощник для проведения анализа исторических произведений, а значит — для выполнения строгого историографического исследования. Существующие практики использования жанрового подхода к систематизации историографии оказываются очень неконкретизированными. Исследователи употребляют понятие «жанр»: 1) к темам исторических произведений, 2) к практикам историописания, 3) к формам исторического письма, но при этом не задумываются, что форма и содержание историописания — разные вещи.

В статье я ставлю задачу проанализировать в контексте европейской исторической культуры XVIII в. очерковую практику в российском историописании. Для ее решения я последовательно 1) обосную возможность исследования разнообразных форм исторических нарративов в предметном поле источниковедения историографии, 2) обращу внимание на начало формирования очерковой практики в структуре исторического знания XVIII в. 3) укажу основные черты, свойственные таким разновидностям очерка, появившимся в российской исторической культуре

XVIII века, как опыт, начертание, изображение и записки.

1. Обоснование возможности исследования форм исторических нарративов в предметном поле источниковедения историографии

Строгие основания истории истории может предоставить логический процесс верификации получаемых результатов исследования, базой которого служит источниковедение историографии. Научно-педагогическая школа источниковедения (сайт Источниковедение.ru [см.: 14]) в последнее десятилетие актуализировала предметное поле источниковедения историографии, основанием которого стала феноменологическая концепция школы, восходящая к эпистемологической концепции А.С. Лаппо-Данилевского.

Принцип признания чужой одушевленности позволяет учитывать, что произведение историка является результатом целенаправленной человеческой деятельности — реализованным интеллектуальным продуктом, в познавательной ситуации представляющим собой особый феномен. О.М. Медушевская отмечала: «Человек всегда творит целенаправленно, он ставит себе определенную цель и по мере продвижения к ней стремится сохранить накопленный информационный ресурс, создавая интеллектуальные продукты <...> За любой (завершенной) вещью угадывается цель ее состояния. Соответственно этой цели целенаправленно отбирается материал с теми свойствами, которые отвечают замыслу» [15, с. 54]. Кроме того, по замечанию О.М. Медушевской, созданные авторами интеллектуальные продукты,

выполняют определенную функцию — они «структурированы в соответствии с теми функциями, для которых они предназначены <...>, следовательно, способны фиксировать такой информационный ресурс, который говорит не только о них самих, но и той системе, в рамках которой оказалось возможным их возникновение» [там же, с. 258].

Научно-педагогическая школа источниковедения основой процедуры выделения видовой структуры исторических источников приняла принцип *целеполагания его автора* («Другого»), а значит, и классифицировать историографические источники предлагает не по цели современного исследователя, например, вооруженного жанровым подходом, а по целеполаганию (авторскому замыслу) изучаемого историка прошлого. По мнению О.М. Медушевской, «Информационное поле продуктов человеческой деятельности имеет хорошо выраженную *видовую* конфигурацию» [там же, с. 244]. В качестве объекта источниковедческой операции для нас выступает уже не отдельно взятое произведение, а система *видов* историографических источников, соответствующая определенному типу культуры. Применение источниковедческого подхода, с одной стороны, позволит заменить иерархическую структуру исторического знания культурными связями разных его типов, с другой стороны — поможет преодолеть линейность историографического процесса, дополняя коэксистенциальными связями.

Итак, каждый продукт человеческого интеллекта структурирован своей целью. Поэтому произведения авторов историй функциональны,

они несут в себе обозначение своей функции в системе исторического знания, т.к. цели, ставившиеся историописателями при написании больших (полных) национальных историй, учебных книг по истории и т.д., не могли быть одинаковыми. Сегодня мало кто усомнится, что, изучая практику историописания того или иного историка, необходимо учитывать, в произведении какой видовой принадлежности она была выражена — большой (полной) национальной истории, очерках по истории, научной статье, учебной книге по истории (в данном случае, я специально не привожу присущие историографии XIX–XXI вв. виды: монографии, диссертации и т.д.).

Мне представляется важным обратить внимание на нарратологическую проблему, связанную формами историописания. Интерес представляет рефлексия авторов о выбранной форме и цели повествования, их обращение к невидимому читателю, обнаружение нарративных маркеров / меток, с помощью которых позиционировался вид произведения. Манифестируемая автором XVIII в. цель историописания, а также экспликация исторического контекста позволяют в предметном поле источниковедения историографии проводить процедуру классификации историографических источников, свойственных исторической культуре XVIII века.

2. Начало формирования очерковой практики в структуре исторического знания XVIII века

В XVIII веке в России, как и во всей Европе, начинает формироваться современная структура исторического знания, которая будет транс-

формироваться в исторических культурах XIX и XX вв.

В этой структуре появляются общие для Европы формы организации исторических нарративов, авторы которых презентировали те или иные вопросы всеобщей или национальной истории: большие (полные) национальные истории, учебные книги по истории (учебники, книги для чтения), научные статьи, [исторические] описания, материалы историографических дискуссий и некоторые другие, а также *очерки*, представленные в XVIII веке такими разновидностями, как опыты, начертания, изображения, [исторические] записки.

В учебном пособии «Источниковедение» нами была предпринята попытка определить видовые черты очерка, который характеризуется более свободным, чем в научном исследовании (монография или научная статья), стилем изложения, отсутствием репрезентативной источниковой базы, популярностью текста и др. [16, с. 539]. Собственно очерк — как форма историописания — был широко представлен в русской письменной культуре с середины XIX века, а до этого периода этому понятию предшествовало — «начертание».

Как уже приходилось писать [17, с. 343–344], происхождение «опыта» как вида нарратива в европейской культуре следует связать с «Опытами» (“Les Essais”, 1580) М. де Монтеня (1533–1592) и «Опытами, или Наставлениями нравственными и политическими» (“Essays, or Counsels Civil and Moral”, 1597) Ф. Бэкона (1561–1626). В первых «опытах» появились черты эссеистики, которые станут маркирующими для авторов, пожелавших позиционировать свое

знание в подобном виде произведений: наличие своей (авторской) субъективности — собственного «испытания» выбранных вопросов (Монтень: «я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо иного, а себя самого. Мои недостатки предстанут здесь как живые, и весь облик мой таким, каков он в действительности») [18, кн. 1, с. 7], краткость, популярность и недостаточность нарративной отделки (Бекон: «Обстоятельные трактаты требуют досуга пишущего, равно как и досуга читателя... Это и вынудило меня избрать иной род — кратких очерков, примечательных скорее содержанием, нежели тщательностью отделки, которые я назвал “Опытами”» [19, т. 1, с. 352]). Такая практика нарратива в последующем становится вполне узнаваемой читателями.

Переводчики «Опытов» Бэкона на русский язык, как само собой разумеющееся, в качестве синонима «опытам» предложили слово «очерки». В принципе, это уже превратилось в один из топосов российской письменной культуры. Ранее, мы с М.Ф. Румянцевой сделали предположение, что для историографических культур XIX и XX вв. «опыт» можно рассматривать как разновидность такого вида историописания, как «очерк» [17, с. 344]. Сделанное предположение я распространяю и на XVIII век, но уточняю — в отличие от историографической культуры XIX века «опыты» в XVIII столетии имели большую популярность, чем собственно «очерк» («начертание»).

В конце 1980-х гг. известный философ и филолог М.Н. Эпштейн

признавался, что эссеистический жанр «остаётся одной из наименее теоретически изученных областей словесности». При этом М.Н. Эпштейн актуализировал внимание на присутствие в подавляющем большинстве эссе Монтеня предлога «о»: «“О запахах”, “О боевых конях”, “О большом пальце руки” и т.п. “О” — это определенная формула жанра, предлагаемый им угол зрения, всегда несколько скошенный, выставляющий тему как нечто побочное. <...> Эссе — всегда “о”, потому что подлинный, хотя и не всегда явленный его предмет, стоящий в именительном падеже, — это сам автор, который в принципе не может раскрыть себя завершено, ибо по авторской сути своей незавершим» [20, с. 388].

Это важное уточнение ученого заставляет иначе посмотреть на структуру первого научного периодического издания в России, издававшегося на латинском языке — «*Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae*». В первом томе за 1726 г. из 26 научных произведений в 16-ти — в названиях имеется приставка «de» («о»), в том числе и у историка Г.З. Байера (1694–1738): «*De origine et priscis sedibus Scytharum*» и «*De muro Caucaseo*» [21; 22]. В русском варианте «Комментариев» переводчик эти произведения назвал соответственно: «О начатке, и древних пребывалищах скифов» и «О стене Кавказской» [23; 24]. Если обратить внимание на рефлексии историка о выбранной форме исторической наррации, то очерковый характер (в варианте Монтеня) выдает первая же фраза, позиционирующая собственное авторское отношение к рассматриваемому вопросу: «Да в самом на-

чале всем разумно будет, каково есть о скифских народах мое мнение, тако представляю...» [23, с. 125].

В дальнейшем практика написания научных произведений историков, начинающих с предлога «о» сохраняется в русской историографии, но постепенно утрачивают важный видовой признак эссеистики, связанный с позиционированием авторской позиции. Если в варианте журнальной статьи Г.Ф. Миллера (1705–1783) «О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оных» (1755) еще есть возможность выявить эту важную метку, связанную с определенным *несовершенством* извлеченного из других текстов материала («приняли мы намерение наперед объявить о преподобном Несторе <...> отчасти из оставшихся после покойного господина тайного советника Татищева известий, а отчасти из собственного нашего исследования, что благосклонным нашим читателям здесь предлагаем» [25, с. 6]). То в дальнейшем, со второй половины XVIII в. очерковая форма «о — чем/ком-то» в русской исторической культуре все больше приобретает черты строгой научной работы (*Abhandlung*). На мой взгляд, этот процесс подтверждает издание произведения Г.Ф. Миллера «*Abhandlung. Von den Völkern, welche vor Alters in Rußland gewohnt haben*» [26] (рукопись 1772 г., опубликована в ежегоднике А.Ф. Бушннга в 1782) в русском переводе И.Г. Долинского (1746–1809), получившее название «О народах издревле в России обитавших», где предлог «о» не соответствует немецкому оригиналу.

3. Разновидности очерка в российской исторической культуре XVIII века

В XVIII в. в российской письменной культуре, как и в европейской в целом, стали рождаться, появляться и трансформироваться очерковые формы исторических нарративов, большинство из которых переживает свой век и они станут известными формами исторических произведений, транслирующих как научный, так и социально ориентированный типы исторического знания.

Важной разновидностью очерка (своей формой берущего начало от «Опытов» М. де Монтеня и Ф. Бэкона) стал собственно «опыт». В «Словаре русского языка XVIII века», кроме приведенных контекстных значений слова «опыт», можно прочитать: «Испытание, проверка, определение качества, пригодности чего-л. <...> Сочинение по какому-л. вопросу, письменное изложение какой-л. проблемы (ср. фр. *essai*)» [27, вып. 17, с. 59-61]. Само понятие «опыт» — как форму светской нарративации можно встретить в русской литературе уже в первой четверти XVIII в. И.Т. Посошков (1670–1726) в «Завещании отеческом» связывал написание опыта в «речью мирской» о какой ни будь вещи («опыт перу, или опыт чернилам»), и призывал чтобы «в опытах и во оных безделицах имени Божия отнюдь не писали <...>, но писали бы какие ни есть повести, или что ни есть свецкое, а не божественное» [28, с. 214–215].

В XVIII в. вид нарративации под названием «опыт» занял важное место среди ученой литературы в Европе (*Essai* — фр., *Essay* — англ., *Versuch* —

нем.). В середине века М.В. Ломоносов (1711–1765) в понятие «опыт» вложил черты, характерные для очерковой формы нарративации: незавершенность и испытание (впервые). При подготовке Российской грамматики, он написал: «Сию грамматику не ведаю я заполнить, но только *опыт* [выделено мной — С.М.], ибо еще никакой нет...» [29, т. 7, с. 690–691]. Библиотекарь С.-Петербургской Академии наук И.Г. Бакмейстер (1732–1788) в «Опыте о библиотеке и кабинете редкостей», обращаясь к читателю, отмечает, что его произведение несовершенно, а совершенное «оставляю просвещеннейшим меня мужам <...>, ограничиваюсь я некоторыми только касающимися до предпринятого мной намерения рассуждениями», и просит помнить читателя — «намерение мое было предложить ему сие сочинение одним только опытом» [30, с. 3, 191].

Этой формой организации исторического материала воспользовался Ф.-М.А. Вольтер (1694–1778) при написании «Опыта по всеобщей истории и о нравах и духе народов от времен Карла Великого и до наших дней» (в 8 т., 1761–1763) [31]. Выбор мыслителем такого вида историописания был совершенно не случайным. Вольтер постарался представить собственное испытание, в котором пересматривается уже складывающаяся европейская модель всеобщей истории. Данный вид нарративации использовался и в британской историко-политической литературе, в качестве известного примера можно привести «Опыт истории гражданского общества» (1767) шотландского просветителя А. Фергюсона (1723–1816) [32]. Мысли, обращен-

ные к читателю, о форме выбранной наррации, имеются в «Опыте» немецкого исследователя И.Г. Дрюмеля (1744), писавшего, что он постарался испытать новое «истинное» решение вопроса, противопоставив его «обыкновенным заблуждениям» [33, s. 5]. Профессор права и истории из Брауншвейга К. Шмидт (1740–1801) в «Опыте нового вступления в русскую историю» (1773–1774), также обратившись к читателям, указал на трудность, которую пришлось преодолеть автору — русская история с начала XIII до конца XVI века еще порядочно не описана (Ф.А. Эмин дописал «Историю» до начала XIII в.; пока изданы только первые два тома «Истории» В.Н. Татищева) — отсюда следуют недостатки и возможные ошибки [34, bd. 1, s. III, XVIII].

Пожалуй, из историков середины — второй половины XVIII в. наиболее четко читателю объяснил цель историописания и свой выбор наррации в форме опыта А.Л. Шлецер (1735–1809) — в произведении «Опыт всеобщей истории мореплавания и торговли с древнейших времен» (1758 на швед. яз.; 1761 на нем. яз.). Историк перечислил читателю встретившиеся трудности: первенство в ракурсе рассмотрения выбранной темы, ограниченный круг источников и т.д. После чего предупредил, что в этой связи не стоит бояться ошибок. Присутствующее в самоназвании работы «слово “опыт” (Versuch), указал А.Л. Шлецер, — «лучшая защита» от требовательных читателей, которые предпочитают совершенные исследования и «мало интересуются испытаниями [опытами] (Versuchen)». К такой публике нужно относиться с уважением, а поэтому предупредить,

что в данном случае, автору «приходится идти непроторенной дорогой» [35, s. 3–15 (нумер.)]. Таким образом, А.Л. Шлецер актуализировал такие черты опыта, как несовершенство, отсутствие репрезентативности источниковой базы и первое испытание темы исторической наррации.

Российские историописатели XVIII века обозначали выбор этой формы изложения материала читателю такими же, как их западноевропейские коллеги, — вполне узнаваемыми маркерами. Так, в отчете о работе в Академии за 1754 г. М.В. Ломоносов после пунктов по физике, химии, словесным наукам написал: «В истории: сочинен *опыт* [выделено мной — С.М.] «Истории словенского народа до Рурика»: дедикация [посвящение], вступление, глава 1 о старобытных жителях в России, глава 2 о величестве и поколениях словенского народа, глава 3 о древности славенского народа: всего 8 листов» [29, т. 10, с. 391–392]. Обративший внимание на слова русского ученого XVIII в. М.Б. Свердлов, справедливо заметил, что такая характеристика «свидетельствует о том, что их автор не настаивал на окончательности своих выводов и наблюдений» [11, с. 670].

Г.Ф. Миллер в «Опыте новейшей истории о России» (1761) актуализировал мысль о том, что это первая попытка связно расположить исторический материал, «зачать <...> с сих печальных времен [царя Федора Ивановича] и «подать повод другим к описанию». Кроме того, историк использовал самую подходящую для выбранной формы *испытания* истории мысль: «Теперь я должен ожидать, какую апробацию иметь будут мои труды» [36, с. 158, 163].

С середины XVIII в. в русской культуре опыт становится вполне узнаваемой читателями ученой нарративной. Поэтому историописатели-любители рефлексировали свой выбор такой формы подачи исторического материала — вполне осознанно. Например, как первую попытку изложения Казанской истории представил читателю (в том числе августейшему) в «Опыте Казанской истории древних и средних времен» П.И. Рычков (1767). Исследователь прекрасно понимал, в какой форме нарратива презентировал свой материал. Он пояснил, что изучаемый объект «не имеет еще обстоятельной своей истории», что «*опыт* сей [выделено мной — С.М.] <...> послужит к тому началом [37, с. 5 (нумер.)]. П.И. Рычков отдавал отчет в не репрезентативности источниковой базы («Принадлежащее до нее, собрано в нем [опыте] по моей силе и возможности»), важной для убедительной презентации идеи произведения — славяне автохтоны Поволжья. Поэтому, он заключил, что «Опыт ея [Казанской истории] слабый», но, «несовершенства и неисправности его [опыта] подадут повод искуснейшим откуда и чем его дополнить» [37, с. 11 (нумер.)].

Н.И. Новиков (1744–1818) в своем «Опыте» также отметил черту первенства («благоразумный читатель <...> трудно в первый раз издавать такого рода сочинение»), но этим не ограничился, он пространно описал «погрешности» произведения, после чего заключил: «сие то принудило меня в заглавии сея книги написать Опыт исторического словаря о российских писателях» (1772) [38, с. 10–11 (нумер.)]. Другой автор «Опыта» М.И. Ильин-

ский († 1795), изучавший происхождение г. Москвы (1795), обращаясь с «предварительным сведением» к читателю, пояснил, что многие вопросы «остались закрыты и неизъяснены». Поэтому по примеру некоторых других русских историков «не осмелился я сие сочинение назвать инако, как только *опытом исторического описания* [выделено мной — С.М.]» [39, с. I–II]. Авторы опытов указывали и на ограниченность своих возможностей при сборе материала: «предлагаю, сколько можно было собрать» [40, с. V], на поучительность их содержания для читателя [41, с. 5] и т.д.

В коротком «Приношении премудрости» божественной Софии (а не авторитетам режима) известный масон, сенатор И.П. Елагин (1725–1793) в начале своего «Опыта» (1790) указал на то, что если читающими будет замечено его усердие в писании, то значит, можно «занять пользою праздное их время» [42, с. 4 (нумер.)]. В пространном «Преуведомлении читателю» автор пояснил, что ранее историки, восхваляя государей, «жития героев наших», ввели тех «во храм незабвенной памяти». Но его история отличалась от других тем, что в ней можно не найти «славные описания государей» и небрежное описание народа. Нельзя, по его мнению, изображать одними красками Владимира Первого и Ивана Грозного, нельзя одинаково осуждать «мятежного Хованского» и «поборствующего по новгородской вольности Борецкого» [42, с. VII]. В конце «Преуведомления» он словно бы в извинительной форме актуализировал указанную мысль: «да не сочтут меня не привыкшие к такому роду сочинений язвителем бывших госу-

дарей, которых по закоренелому может быть страху и предубеждению, великими Отцами отечества почитаются, а повествования справедливость иначе их описует» [42, с. LVI]. Елагин решил испытать иную модель истории строительства России, вот почему он выбрал форму исторической наррации в виде опыта.

Учитывая, что в неопубликованной части «Опыта» И.П. Елагина присутствовали еще и масонские пацифистские рассуждения, подвергавшие, например, сомнению военный триумф российского государства, содержалась защита автором новгородцев от обвинений их историками изменниками (за нежелание входить в состав Московского государства) [см.: 43, с. 67, 227 и др.], нетрудно представить, что эти конструкции могли внести противоречия в формирующийся российский исторический мастер-нарратив с содержащимся в нем набором, уже в целом, непротиворечивых героев и антигероев.

В немецкой и российской книжности в XVIII в. близкой к форме опыта выступала еще одна практика изложения не только исследовательского, но и учебного материала «*Abriss*» («*Umriss*»), «начертание». Она основывалась на стремлении выделить в поле литературной деятельности форму наррации, в которой очерчивается нечто важное. По мнению филологов И.В. Ягича и В.В. Виноградова, такая практика письма могла возникнуть в результате перевода на русский язык немецких слов «*Abriß*» и «*Umriss*» (русс. — контур, очертание, начертание, очерк), которые первоначально проникли в среду русских рисовальщиков в XVII в. [см.: 44,

с. 434–435] В произведении естественно-научной и исторической направленности, написанном в 1735 г. российским военным инженером В.И. де Генниным (1665–1750), можно встретить интересный пример культурного трансфера — переход немецкого «*Abriss*» в русскую письменную культуру. В написанном по-русски самоназвании произведения присутствует немецкое слово «*Abriss*» в русской транскрипции: «Генералом лейтенантом от артиллерии и кавалером Ордена Святого Александра Георгием Вильгельмом де-Генниным, собранная натуралии и минералии камер в Сибирских горных и заводских дистриктах тоже чрез ево о вновь строенных и старых исправленных горных и заводских строениях и протчих куриозных вещах *абрисы* [выделено мной — С.М.]» [см.: 45, с. 66].

В «Словаре русского языка XVIII века» приводятся несколько значений этого слова в культуре того времени: *Начертание*: «То, что составлено, намечено в общих чертах; проект, набросок. <...> Описание, изложение чего-л.; сочинение» [27, вып. 14, с. 106].

В российской очерковой практике историописания второй половины XVIII века — в самоназвании книг очерку стало предшествовать слово «начертание». Так, произведение известного немецкого ученого Г. Ахенваля «*Abriß* [выделено мной — С.М.] der neuen Staatswissenschaft der vornehmen Europäischen Reiche und Republiken» (1749) в России было издано под названием «*Начертание* [выделено мной — С.М.] истории нынешних знатнейших европейских государств» [46]. Авторы таких произведений манифестировали некоторые признаки начертания: 1) кра-

тное (но достаточное для усвоения) собственное изложение [46, с. IV–V; 47], 2) пересмотр некоторых выводов иных авторов и ограниченность рассмотренного вопроса, дополнение к более основательному произведению («служить может... дополнением») [48, с. IV–V].

Другим каналом культурного трансфера, передавшим в русское культурное пространство близкую по видовым чертам форму очерковой наррации, стала французская письменная культура XVIII века. Во Франции для небольших по объему произведений не исследовательского — популярного, характера (в том числе учебных книг) широко использовалась форма «*Tableau*». В России эта форма наррации получила распространение под названием «*изображение*», также — чаще всего — в практике создания учебных книг [см.: 49 и др.]. Например, изданная в Геттингене объемом чуть более 20 страниц книга для чтения А.Л. Шлецера «*Tableau de l'histoire de Russie*» (1769) [см.: 50] в русском переводе была издана под названием «Изображение российской истории» [см.: 51]. Связь с французской традицией несет в себе перевод названия другой учебной книги по русской истории («*Tableau de l'histoire de Russie à l'usage de la jeunesse*», 1786), написанной Ж.Ф. Вегелином, — «*Таблица* [выделено мной — С.М.] российской истории в пользу юношества» (1788, пер. Ф. Протопопов) [см.: 52]. Работа другого переводчика (в самом начале XIX века) над названием этой учебной книги демонстрирует трансформацию данной разновидности очерка в русской культуре, где характер «*изображения*» начинает

воспринимается как «*начертание*» («Начертание российской истории для употребления юношества» (1807, пер. А.Д. Боровков)) [53]. Напротив, практика написания иного — не учебного исторического произведения очеркового характера «Историческое изображение всех дел Ф. Лефорта, первого любимца Петра Великого и генерала П. Гордона» (1800) И.И. Голикова (1735–1801) демонстрирует иное восприятие нарративного характера *изображения*. Историкописатель обратившись к читателю указал черту первенства такой темы и связал форму своего исторического письма с *опытом* («благоклонное любезными соотчичами моими приятие сея книги, яко первого еще того *опыта* [выделено мной — С.М.], придадут утомленным моим силам новую бодрость») [54, с. XV].

В российской книжной культуре во второй половине XVIII в. стало появляться немало произведений, которые в своем названии имели слово «*записки*». Среди исторических произведений это в первую очередь издание Екатерины II (1729–1796) «Записки касательно российской истории» (в 6 ч., 1787–1794), предназначенные автором для молодого читателя. С одной стороны, «Записки» имеют признаки большого нарратива по национальной истории (полной истории) и учебной книги (книги для чтения), но, с другой стороны, присутствующее в названии слово «*записки*» делает это историческое произведение близким по своей форме к опытам / очеркам, что демонстрирует и анализ историографического источника. Екатерина II перед своим трудом поставила сугубо практические цели. Историческую narra-

цию она посвятила подрастающему поколению, которому следовало читать «правильные» истории, написав: «Сии записки касательно Российской Истории сочинены для юношества в такое время, когда выходят на чужестранных языках книги под именем Истории Российской, кои скорее именовать можно сотворениями пристрастными...». При этом, в качестве основной функции истории она указала на ее методическое значение — «она учит добро творить и от дурного остерегаться» [55, ч. 1, с. I, 1].

Целью Екатерины было не желание приблизиться к истине, чего можно было достичь посредством соблюдения правил, вырабатываемых зарождающейся классической европейской моделью историографии, а реализация своей идеи — разумного управления в прошлом, трансляция посредством формы «записок» этой идеи российскому читателю для формирования в его сознании «правильного» отношения к прошлому и существующей (разумной) власти. Представляется важным учесть, что четвертая часть произведения императрицы имеет еще одно самоназвание — «Опыт. Знаменитые происшествия второй эпохи российской истории от 862 года по 1224» [55, ч. 4]. Произведение Екатерины II характеризуется дробной микроструктурой труда и популярностью текста (отсутствуют сноски на источники и литературу).

Интересно, но сподвижница императрицы княгиня Е.Р. Дашкова (1743–1810) одно из своих небольших исторических произведений, посвященное десятилетию Императорской Российской академии, представила в форме *записок*: «Записки, по-

казывающие сравнительное состояние Академии в последствие десятилетнее» [56].

Авторы «записок» не всегда, но рефлексировали выбранную форму презентации материала для читателя. Немецкий автор А.Ф. фон Нольде (1807) сообщает о наличии определенной неполноты при раскрытии сюжетов, фрагментарности изложения материала [57, с. XVI]. Философ и будущий президент США Т. Джефферсон (1743–1826) в своих «Записках» (1787) предупредил читателя об особой композиции рассматриваемых сюжетов, их несовершенстве из-за дефицита информации и недостатка талантов у автора [58, р. 3 (нумер.)]. Похожую мысль о форме своих «Записок о Малороссии» (1798) для читателя высказал Я.М. Маркович (1776–1804): «Невозможно, кажется, и требовать, чтобы сей первый опыт трудов моих был без всяких погрешностей и недостатков» [59, с. 5-8 (нумер.)]. Как можно заметить, исторические записки обладают соответствующими форме ограниченностью источниковой базы, композиционной дробностью (из записок), декларируемой незавершенностью проведенного исследования, изложением от первого лица, популярностью изложения. Указанные черты присущи в целом очерковой форме историописания.

Таким образом, в структуре исторического знания России второй половины XVIII в. формируется очерковая форма историописания, которая была представлена логически близкими по видовым характеристикам разновидностями: «опыт», «начертание», «изображение» и «записки». Основными дефинирующими

признаками очеркового вида историописания стали авторская позиция (испытание) и несовершенство / ограниченность наррации. Их можно свети к общей не репрезентативности, по сравнению со строгой научной практикой историописания. Форма наррации, получившая название

«изображение» постепенно к началу XIX века теряет свою популярность, и, напротив, в первой половине этого столетия исторические наррации не претендовавшие на научность (а это были учебники по национальной истории) называют *начертаниями* [см.: 60].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пештич, С.Л.* Русская историография XVIII века: в 3 ч. Л.: ЛГУ, 1961–1971.
2. Историография истории России до 1917 г.: учеб. для студ.: в 2 т. / под ред. М.Ю. Лачаевой. М.: ВЛАДОС, 2003–2004.
3. *Ritter, M., von.* Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft an den Führenden Werken Betrachtet. München; Berlin: Verlag von R. Oldenbourg, 1919. 474 s.
4. *Thompson, J.W., Holm, B.J.* A History of Historical Writing: in 2 vols. N.Y.: The MacMillan Co, 1942.
5. *Вайнштейн, О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964. 483 с.
6. *Нечкина, М.В.* История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. М.: Наука, 1965. С. 6–26.
7. *Понтеру, Х., Козеллек, Р., Майер, К., Энгельс, О.* История (Geschichte, Historie) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. / пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. М.: НЛЮ, 2014.
8. *Phillips, M.S.* Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820. Princeton: Princeton University Press, 2000. 569 p.
9. The Oxford History of Historical Writing: in 5 vols. Vol. 3: 1400–1800 / eds by J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. N.Y.: Oxford University Press, 2012. 750 p.
10. *Наумова, Г.Р.* История исторической науки. Историография истории России: в 2 ч.: учеб. для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017.
11. *Свердлов, М.Б.* М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб.: Нестор-История, 2011. 916 с.
12. *Derrida, J.* The Law of Genre // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7. No. 1. P. 55–81.
13. *Jaume, A.* Rethinking Historical Genres in the Twenty-First Century // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. 2015. Vol. 19. No. 2. P. 145–157.
14. Источниковедение.ru: страница науч.-пед. школы / редкол.: Д.А. Добровольский и др. Электрон. дан. М., сор 2010–2020. URL: <http://ivid.ucoz.ru/>
15. *Медушевская, О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 361 с.
16. Источниковедение: учеб. пособие / отв. ред. М.Ф. Румянцев. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 685 с.
17. *Маловичко, С.И., Румянцева, М.Ф.* Монография и очерк: опыт сравнительного источниковедческого анализа историографических источников // Профессия — историк (к юбилею Л.П. Репиной) / отв. ред. О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 2017. С. 337–354.
18. *Монтень, М.* Опыты: в 3 кн. / пер. с фр. А.С. Бобович. М.; Л.: АН СССР, 1954–1960.

19. Бэкон, Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1977–1978.
20. Эпштейн, М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX – XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.
21. Bayero, Th.S. De origine et priscis sedibus Scytharum // Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli: Typis Academiae, 1728. Т. I: Ad annum 1726. P. 385–399.
22. Bayero, Th.S. De muro Caucaseo // Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli: Typis Academiae, 1728. Т. I: Ad annum 1726. P. 425–463.
23. Байер, Ф.З. О начатке, и древних пребывалищах скифов // Краткое описание комментариев Академии наук. Ч. 1.: на 1726 г. СПб.: при Акад. Наук, 1728. С. 125–138.
24. Байер, Ф.З. О стене Кавказской // Краткое описание комментариев Академии наук. Ч. 1.: на 1726 г. СПб.: при Акад. Наук, 1728. С. 167–207.
25. Миллер, Г.Ф. О первом летописателе Российском преподобном Несторе, о его летописи и о продолжателях оныя // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М.: Наука, 1996. С. 5–14.
26. Müller, G.F. Abhandlung. Von den Völkern, welche vor Alters in Rußland gewohnt haben // Magazin für die neue Historie und Geographie Angelegt / A.F. Büsching. Halle: von J.J.C. Wittwe, 1782. Т. XVI. S. 287–348.
27. Словарь русского языка XVIII века: в 22 вып. [Л.] СПб.: Наука, 1984–2019.
28. Посошков, И.Т. Завещание отеческое к сыну / открыто и издано А. Поповым. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1873. 218+XV с.
29. Ломоносов, М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. / гл. ред. С.И. Вавилов и др.; АН СССР. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1950–1959.
30. Бакмейстер, И.Г. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской академии наук: пер. с фр. СПб.: Тип. морского шляхетского кадетского корпуса, 1779. 192 с.
31. Voltaire, F.-M.A. Essay sur l'histoire générale, et sur les moeurs et l'esprit des Nations, depuis Charlemagne jusqu'à nos jours: 8 vol. (Genève: Cramer, 1761–1763.
32. Ferguson, A. An Essay on the History of Civil Society. Edinburgh: Printed for A. Millar & T. Caddel, 1767. 445 p.
33. Drümel, J.H. Versuch einer critisch-historischen Ausführung, wie die Russen von den Araratensern, als dem ersten Volcke nach der Sündfluth herkommen. Nürnberg, 1744. 32 s.
34. Schmidt-Phiseldek Ch, von. Versuch einer neuen Einleitung in die Russische Geschichte: Nach bewährten Schriftstellern: in 2 Bd. Riga: J.Ph. Hartknoch, 1773–1774.
35. Schlözer, A.L. Versuch einer allgemeinen Geschichte der Handlung und Seefahrt in den ältesten Zeiten. Rostock: Verlag der Koppischen Buchhandlung, 1761. 372 s.
36. Миллер, Г.Ф. Опыт новейшей истории о России // Миллер Г.Ф. Избранные труды; сост., ст., примеч. С.С. Илизаров. М.: Моск. учебн. и картолитогр., Янус-К, 2007. С. 158–209.
37. Рычков, П.И. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1767. 246 с.
38. Новиков, Н.И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб.: Тип. Акад. наук, 1772. 276 с.
39. Ильинский, М.И. Опыт исторического описания о начале города Москвы, как и по каким причинам она основалась, кем и когда престол великокняжеский туда перенесен. М.: Тип. А. Решетникова, 1795. 98 с.
40. Соковкин, С.П. Опыт исторического словаря всех в истинной православной греко-россий-

- ской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. М.: Тип. И. Лопухина, 1784. 276 с.
41. *Крестинин, В.В.* Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1785. 55 с.
 42. *Елагин, И.П.* Опыт повествования о России: сочинение Ивана Елагина, начатое на 65-м году от его рождения, лета от Р.Х. 1790, Двора его императорского величества обер-гофмейстера. Кн. 1. М.: Универ. тип., 1803. 532 с.
 43. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. F. IV-34/5.
 44. *Виноградов, В.В.* История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык»; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: ИРЯ РАН, 1999. 1138 с.
 45. *Геннин, В.И., де.* Описание уральских и сибирских заводов. 1735 / предисл. акад М.А. Павлова [подгот. к печати М. Ф. Злотников]. М.: Изд. История заводов, 1937. 656 с.
 46. *Ахенваль, Г.* Начертание истории нынешних знатнейших европейских государств / пер. с нем. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1779. 353 с.
 47. *Воейков, И.Г. (Ювеналий)* Краткое историческое начертание жизни лейбгвардии подпоручика Федора Михайловича Булгакова и заветы его сочиненные им к сыну своему. М.: Тип. у В. Окорокова, 1795. 14 с.
 48. *Крестинин, В.В.* Начертание истории города Холмогор. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1790. 52 с.
 49. *Яковкин, И.Ф.* Летосчислительное изображение российской истории. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1798. 42 с.
 50. *Schlözer, A.L.* Tableau de l'histoire de Russie / Mr. Schlözer, Académicien de Petersburg, de Güttingue & de Stockholm. Güttingue: J.C. Dieterich, 1769. 25 p.
 51. *Шлецер, А.Л.* Изображение истории России / пер. с фр. СПб.: Тип. Мор. кадет. корпуса, Б.г. 17 с.
 52. *Вегелин, Ж.Ф. (Вежюелен)* Таблица российской истории в пользу юношества, а особливо российского / пер. с фр. М.: Сенат. тип., 1788. 256 с.
 53. *Вегелин, Ж.Ф.* Начертание российской истории для употребления юношества и особенно сей империи / пер. с фр. М.: Универ. тип., 1807. 230 с.
 54. *Голиков, И.И.* Историческое изображение всех дел Ф. Лефорта, первого любимца Петра Великого и генерала П. Гордона. М.: Универ. тип., 1800. 331 с.
 55. *Екатерина II.* Записки касательно российской истории: в 6 ч. СПб.: Имп. тип., 1787-1794.
 56. *Дашкова, Е.Р.* Записки показывающие сравнительное состояние Академии в последствие десятилетнее. СПб.: Тип. Акад. наук, 1793. 28 с.
 57. *Nolde, A.F., von.* Notizen zur Kultur — Geschichte der Geburtshülfe im dem Herzogthum Braunschweig. Erfurt: Henningschen, 1807. 383 s.
 58. *Jefferson, T.* Notes on the State of Virginia. — London: Burlington-House, Piccadilly, 1787. 395 p.
 59. *Маркович, Я.М.* Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. СПб.: при Губ. Правлении, 1798. Ч. 1. 114 с.
 60. *Маловичко, С.И., Марухин, В.Ф.* Учебная книга по русской истории в системе презентации национально-государственной истории российской империи конца XVIII – 40 гг. XIX века // Преподаватель XXI век. 2017. Вып. 4. Ч. 2. С. 298–315.

REFERENCES

1. Dashkova E.R. *Zapiski pokazyvayushchii sravnitelnoe sostoyanie Akademii v posledstvie desyati-letnee*. Saint-Petersburg, Akad. nauk, 1793, 28 p. (in Russian)

2. Ekaterina II. *Zapiski kasatelno rossijskoj istorii*: v 6 ch. Saint-Petersburg, Imp. tip., 1787–1794. (in Russian)
3. Golikov I.I. *Istoricheskoe izobrazhenie vsekh del F. Leforta, pervogo lyubimca Petra Velikogo i generala P. Gordona*. Moscow: Univer. tip., 1800, 331 p. (in Russian)
4. Sokovkin S.P. *Opyt istoricheskogo slovarya vsekh v istinnoj pravoslavnoj greko-rossijskoj vere svyatoyu neporochnoyu zhiznyu proslavivshihsvya svyatykh muzhah*. Moscow, I. Lopuhina, 1784, 276 p. (in Russian)
5. Ahenval G. *Nachertanie istorii nyneshnih znatnejshih evropejskih gosudarstv*. Saint-Petersburg, Imp. Akad. nauk, 1779, 353 p. (in Russian)
6. Bajzer F.Z. “O nachatke, i drevnih prebyvalishchah skifov”, in: *Kratkoe opisanie kommentarijev Akademii nauk. Ch. 1*, 1726 g. Saint-Petersburg, Akad. Nauk, 1728, pp. 125–138. (in Russian)
7. Bajzer F.Z. “O stene Kavkazskoj”, in: *Kratkoe opisanie kommentarijev Akademii nauk. Ch. 1.*: na 1726 g. Saint-Petersburg, Akad. Nauk, 1728, pp. 167–207. (in Russian)
8. Bakmeyster I.G. *Opyt o biblioteke i kabinete redkostej i istorii naturalnoj Sankt-Peterburgskoj imperatorskoj akademii nauk*: tr. fr. Saint-Petersburg, Morskogo shlyahetskogo kadetskogo korpusa, 1779, 192 p. (in Russian)
9. Bayero Th.S. “De muro Caucaseo”, in: *Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli: Typis Academiae*, 1728, T. I. Ad annum 1726, pp. 425–463. (in Latin)
10. Bayero Th.S. “De origine et priscis sedibus Scytharum”, in: *Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae. Petropoli: Typis Academiae*, 1728, T. I, Ad annum 1726, pp. 385–399. (in Latin)
11. Bekon F. *Sochineniya*: v 2 t. Moscow, Mysl, 1977–1978. (in Russian)
12. Derrida J. The Law of Genre, *Critical Inquiry*, 1980, Vol. 7, No. 1, pp. 55–81.
13. Drümel J.H. *Versuch einer critisch-historischen Ausführung, wie die Russen von den Araraten- sern, als dem ersten Volcke nach der Sündfluth herkommen*. Nürnberg, 1744, 32 p.
14. Elagin I.P. *Opyt povestvovaniya o Rossii: sochinenie Ivana Elagina, Dvora ego imperatorskogo velichestva ober-gofmejstera*, Kn. 1. Moscow, Univer. tip., 1803, 532 p. (in Russian)
15. Epshtejn M.N. *Paradoksy novizny: O literaturnom razvitii XIX – XX vekov*. Moscow, Sovetskij pisatel, 1988, 416 p. (in Russian)
16. Ferguson A. *An Essay on the History of Civil Society*. Edinburgh, Printed for A. Millar & T. Cad- del, 1767, 445 p.
17. Gennin V.I., de. *Opisanie uralskih i sibirskih zavodov. 1735*, ed. akad M.A. Pavlov. Moscow, Isto- riya zavodov, 1937, 656 p. (in Russian)
18. Il'inskij M.I. *Opyt istoricheskogo opisaniya o nachale goroda Moskvy, kak i po kakim prichinam ona osnovalas, kem i kogda prestol velikoknyazheskij tuda perenesen*. Moscow, A. Reshetnikova, 1795, 98 p. (in Russian)
19. *Istochnikovedenie.ru*. Stranica nauchno-pedagogicheskoy shkoly, ed. D.A. Dobrovolskij i dr., Moscow, cop 2010–2020, available at: <http://ivid.ucoz.ru/> (accessed: 20.03.2020). (in Russian)
20. *Istochnikovedenie: uchebnoe posobie*, ed. M.F. Rumyantseva. Moscow, Vysshaya shkola ekonomi- ki, 2019, 685 p. (in Russian)
21. *Istoriografiya istorii Rossii do 1917 goda*, uchebnik dlya studentov, v 2 t., ed. by M.Yu. Lachaeva. Moscow, VLADOS, 2003–2004. (in Russian)
22. Jaume A. Rethinking Historical Genres in the Twenty-First Century, *Rethinking History: The Jour- nal of Theory and Practice*, 2015, Vol. 19, No. 2, pp. 145–157.
23. Jefferson T. *Notes on the State of Virginia*. London, Burlington-House, Piccadilly, 1787, 395 p.

24. Krestinin V.V. *Istoricheskij opyt o selskom starinnom domostroitel'stve Dvinskogo naroda v Severe*. Saint-Petersburg, Imp. Akad. nauk, 1785, 55 p. (in Russian)
25. Krestinin V.V. *Nachertanie istorii goroda Holmogor*. Saint-Petersburg, Imp. Akad. nauk, 1790, 52 p.
26. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 11 t.*, ed. S.I. Vavilov; AN SSSR. Moscow; Leningrad, Akad. nauk SSSR, 1950–1959. (in Russian)
27. Malovichko S.I., Maruhin V.F. Uchebnaya kniga po russkoj istorii v sisteme prezentacii nacionalno-gosudarstvennoj istorii rossijskoj imperii konca XVIII – 40 gg. XIX veka, *Prepodavatel XXI vek*. 2017, Vyp. 4, Ch. 2, pp. 298–315. (in Russian)
28. Malovichko S.I., Romyanceva M.F. Monografiya i ocherk: opyt sravnitel'nogo istochnikovedcheskogo analiza istoriograficheskikh istochnikov, *Professiya — istorik (k yubileyu L.P. Repinoy)*, ed. O.V. Vorobeva. Moscow, Akvilon, 2017, pp. 337–354. (in Russian)
29. Markovich Ya.M. *Zapiski o Malorossii, ee zhitelyah i proizvedeniyah*. Saint-Petersburg, Gub. Pravlenii, 1798, Ch. 1, 114 p. (in Russian)
30. Medushevskaya O.M. *Teoriya i metodologiya kognitivnoj istorii*. Moscow, RGGU, 2008, 361 p. (in Russian)
31. Miller G.F. “O pervom letopisatele Rossijskom prepodobnom Nestore, o ego letopisi i o prodolzhatel'nyh onyia”, in: Miller G.F. *Sochineniya po istorii Rossii. Izbrannoe*. Moscow, Nauka, 1996, P. 5–14. (in Russian)
32. Miller G.F. “Opyt novejshej istorii o Rossii”, in: Miller G.F. *Izbrannye Trudy*. Moscow, Yanus-K, 2007, pp. 158–209. (in Russian)
33. Monten M. *Opyty: v 3 kn.*, tr. fr. A.S. Bobovich. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1954–1960.
34. Müller G.F. Abhandlung. Von den Völkern, welche vor Alters in Rußland gewohnt haben, *Magazin für die neue Historie und Geographie Angelegt*. Halle: von J.J.C. Wittwe, 1782, T. XVI, pp. 287–348.
35. Naumova G.R. *Istoriya istoricheskoy nauki. Istoriografiya istorii Rossii: v 2 ch.: ucheb. dlya akademicheskogo bakalavriata*. Moscow, Yurajt, 2017. (in Russian)
36. Nechkina M.V. Istoriya istorii (nekotorye metodologicheskie voprosy istorii istoricheskoy nauki), *Istoriya i istoriki. Istoriografiya istorii SSSR*. Moscow, Nauka, 1965. pp. 6–26.
37. Nolde A.F., von. *Notizen zur Kultur — Geschichte der Geburtshülfe im dem Herzogthum Braunschweig*. Erfurt, Henningschen, 1807, 383 p.
38. Novikov N.I. *Opyt istoricheskogo slovary o rossijskikh pisatelyah*. Saint-Petersburg, Akad. nauk, 1772, 276 p. (in Russian)
39. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacionalnoj biblioteki*, F. IV-34/5.
40. Peshtich S.L. *Russkaya istoriografiya XVIII veka: v 3 ch.*, Leningrad, LGU, 1961–1971. (in Russian)
41. Phillips M.S. *Society and Sentiment: Genres of Historical Writing in Britain, 1740–1820*. Princeton, Princeton University Press, 2000, 569 p.
42. Ponteru H., Kozellek R., Majer K., Engels O. *Istoriya (Geschichte, Historie)*, Slovar osnovnyh istoricheskikh ponyatij, *Izbrannye stati*, v 2 t. Moscow, NLO, 2014. (in Russian)
43. Pososhkov I.T. *Zaveshchanie otecheskoe k synu*. Moscow, Tip. A.I. Mamontova & Ko, 1873, 218+XV p. (in Russian)
44. Ritter M., von. *Die Entwicklung der Geschichtswissenschaft an den Führenden Werken Betrachtet*. München; Berlin, Verlag von R. Oldenbourg, 1919, 474 p.
45. Rychkov P.I. *Opyt Kazanskoj istorii drevnih i srednih vremen*. Saint-Petersburg, Imp. Akad. nauk, 1767, 246 p. (in Russian)

46. Schlözer A.L. *Tableau de l'histoire de Russie*. Académicien de Petersburg, de Güttingue & de Stockholm, Güttingue, J.C. Dieterich, 1769, 25 p.
47. Schlözer A.L. *Versuch einer allgemeinen Geschichte der Handlung und Seefahrt in den ältesten Zeiten*. Rostock, Verlag der Koppischen Buchhandlung, 1761, 372 p.
48. Schmidt-Phiseldек Ch, von. *Versuch einer neuen Einleitung in die Russische Geschichte: Nach bewährten Schriftstellern*: in 2 Bd. Riga, J.Ph. Hartknoch, 1773–1774.
49. Shlecer A.L. *Izobrazhenie istorii Rossii*. Saint-Petersburg, Mor. kadet. korpusa, [without a year], 17 p. (in Russian)
50. *Slovar russkogo yazyka XVIII veka*: v 22 vyp. Saint-Petersburg, Nauka, 1984–2019. (in Russian)
51. Sverdlov M.B. *M.V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoy nauki v Rossii*. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2011, 916 p. (in Russian)
52. *The Oxford History of Historical Writing*, in 5 vols., Vol. 3, 1400–1800, eds J. Rabasa, M. Sato, E. Tortarolo, D. Woolf. New York, Oxford University Press, 2012, 750 p.
53. Thompson J.W., Holm B.J. *A History of Historical Writing*, in 2 vols. New York, The MacMillan Co, 1942.
54. Vajnshtejn O.L. *Zapadnoevropejskaya srednevekovaya istoriografiya*. Moscow; Leningrad, Nauka, 1964, 483 p. (in Russian)
55. Vegelin Zh.F. *Nachertanie rossijskoj istorii dlya upotrebleniya yunoshestva i osobenno sej imperii*, Moscow, Univer. tip., 1807, 230 p. (in Russian)
56. Vegyulin Zh.F. (Vegyuelen) *Tablica rossijskoj istorii v polzu yunoshestva, a osoblivo rossijskogo*. Moscow, Senat. tip., 1788, 256 p. (in Russian)
57. Vinogradov V.V. *Istoriya slov*, Rossijskaya akademiya nauk. Otdelenie literatury i yazyka: Nauchnyj sovet “Russkij yazyk”, ed. N.Yu. Shvedova. Moscow, 1999, 1138 p. (in Russian)
58. Voltaire F.-M.A. *Essay sur l'histoire générale, et sur les mœurs et l'esprit des Nations, depuis Charlemagne jusqu'à nos jours*, 8 vol. Genève, Cramer, 1761–1763.
59. Yakovkin I.F. *Letoschislitelnoe izobrazhenie rossijskoj istorii*. Saint-Petersburg, Imp. Akad. nauk, 1798, 42 p. (in Russian)
60. Yuvenalij (Voejkov I.G.) *Kratkoe istoricheskoe nachertanie zhizni lejbgvardii podporutchika Fedora Mihajlovicha Bulgakova i zavety ego sochinennye im k synu svoemu*. Moscow, V. Okorokova, 1795, 14 p. (in Russian)

Маловичко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, Государственный гуманитарно-технологический университет; Российский государственный гуманитарный университет, sergei.malovichko@gmail.com

Malovichko S.I., ScD (in History), Professor, State University of Humanities and Technology; Russian State University for the Humanities, sergei.malovichko@gmail.com